

День выдался пасмурным и ветреным. После мягкой пролетки отца Александра, на крестьянской подводе ехать было неудобно и жестко, несмотря на то, что Гордей телегу застелил соломой. «Чтобы барыням ехать было не дюже жестко, а уж мы-то люди привыкшие»,— сказал он.

— А где же дядя Авдей? — поеживаясь на прохладном ветру, спросила Софья.

— Уехал в Ехрем спозаранку.

Телега тряслась и дребезжала, особенно по булыжной дороге, но когда съехали на дорогу проселочную, ехать стало мягче. Ехали недолго. Проехав поле, спустились в балку и уже на подъеме увидели лес, у которого и находилось имение Рязановых. Чем ближе подъезжали к бывшему имению, тем все больше и больше Екатерину Михайловну и Софью охватывали воспоминания, а в душу и сердце вкрадывались тревожные чувства.

Гордей подстегнул лошадь, и та пошла рысью по траве, буйно разросшейся на некогда шумной и бойкой дороге к имению. Проехав мимо заросшего ряской пруда, возле которого Софья впервые испытала радостные чувства от первого поцелуя, мимо начавшего уже заливаться колодца, оказались на территории бывшей усадьбы.

— Ну, вот и приехали, барыня,— тихим голосом сказал Гордей, останавливая лошадь.

Екатерина Михайловна сидела какое-то время на телеге, глядя тяжелым взором на свои бывшие владения, затем не без помощи Софьи сошла на землю. Имение своей заброшенностью печалило взгляд Екатерины Михайловны. На месте жилого дома из-под густой травы еще кое-где виднелись остатки стен, от людской избы, в которой жили Фроловы, не осталось ничего, кроме дико разросшейся крапивы, где едва угадывался развалившийся фундамент. Чуть в стороне, ближе к лесу, сиротливо стоял не тронутый пожаром с обвалившимися кое-где стенами и крышей, так же заросший дикотравьем, скотный двор. Взяв, вмиг ссутулившуюся и еще больше осунувшуюся, мать под руку, Софья пошла вместе с нею к развалинам жилого дома. Долго стояли подле развалин. Словно приветствуя бывших хозяек, на ветру кивал им головой чертополох.

— Ну, здравствуй, наш милый дом! — тихим голосом произнесла Екатерина Михайловна.

Злости или обиды на людей, спаливших их дом, разгромивших усадьбу, сломавших жизни, в душе и на сердце уже не было — все ушло со временем, осталось лишь

сожаление об утраченном счастье. Глядя на развалины, обе плакали. Стоявшая чуть поодаль от них — чтобы не мешать хозяевам — Марфа Антоновна тоже плакала. Гордей сидел в телеге, тяжело опустив голову, лишь изредка переводя взгляд с плачущих женщин на развалины дома. Небо потемнело, усилившийся ветер гнул ветки акации, шумел в лесу листьями деревьев, оживились назойливые мухи. Они кусали лошадь, и та, очумевшая, отмахивалась от них хвостом, мотала головой, взбрыкивала ногами и пыталась утащить куда-то в сторону телегу, но Гордей то и дело натягивал вожжи и останавливал ее. Наконец он слез с телеги и подошел к Екатерине Михайловне.

— Пора в дорогу, барыня, а то, похоже, что дождь скоро начнется, кабы он нас в поле не застал. Кабы нам до Никольского успеть, а там, глядишь, и укроемся где, — сказал он.

— Да, да, Гордей Никифорович, едем, — ответила ему Екатерина Михайловна. — Дай, милый, нам еще немножко побыть здесь, — попросила она, после чего взглянула на Софью. — Вот, Сонечка, и побывали мы с тобою дома. Вот здесь я тебя и Володеньку в люльке качала, — указала она рукой в сторону разросшегося чертополоха. — А вон там была детская, в которой вы с Володенькой играли. Помнишь, Сонечка, как вы с Володенькой играли вон в той комнате, которую ваш отец выделил под детскую? Она с южной стороны и была самая светлая, потому что в нее всегда светило солнце. Это вы уже как постарше стали, так по разным комнатам разошлись. Эта светлая так и осталась твоею, а Володеньке досталась вон та, — Екатерина Михайловна указала на торчавшие из густой травы почерневшие и полусгнившие бревна чердачного перекрытия. — Помнишь, Сонечка, как он с германской войны пришел ночью грязный в чужой одежде и сказал, что нет больше ничего, ни царя, ни отечества, что все — рухнуло? Помнишь? А потом он ушел тайно ночью, на Дон ушел. А потом нас сожгли. Помнишь, Сонечка? А как же... как же он нас найдет теперь? Ведь мы же уехали отсюда... А Володенька-то... он как же? — Екатерина Михайловна взглянула на Софью тревожным взглядом. Та отметила про себя, что мать очень сильно осунулась и еще больше состарилась, за одно мгновение — состарилась. Как же она была против этой поездки на Птань, зачем только согласилась?!

Гордей и Марфа переглянулись, затем взглянули на Софью, та испуганно смотрела на мать.

— Пора, барыни, ехать, погода портится, — произнес Гордей.

— Мама, пошли нам пора ехать, — Софья взяла мать под руку и чуть ли не силой повела к повозке.

— Идемте. Пусть Серафим Аркадьевич с Володенькой нас тут дожидаются, — тихо произнесла Екатерина Михайловна и, придерживаемая Софьей и Марфой Антоновной, пошла к повозке. Перед тем как сесть в нее, остановилась и обернулась. — Дайте взгляну, ведь в последний раз вижу, — сказала она с грустью в голосе. Постояла какое-то время, затем наложила на себя крестное знамение и низко поклонилась своему бывшему имению. — Поехали, — проговорила дрогнувшим голосом и с помощью Софьи влезла в телегу.

Всю дорогу до Никольского кладбища Софья наблюдала за матерью. Она была напугана ее состоянием. Екатерина Михайловна сидела молча, устремив взор в землю. Лишь однажды, когда вспыхнула молния и где-то совсем рядом громыхнуло, она подняла голову.

— Гроза, — сказала Екатерина Михайловна, неизвестно к кому обращаясь.

— Свят, свят, свят, — произнесла Марфа Антоновна и, взглянув в небо, перекрестилась. — Ежели гроза займется, то енто надолго, — проговорила она.

— Да, грозы у нас — долгие, — тихим голосом и не поднимая от земли взгляда, произнесла Екатерина Михайловна.

Тем временем со стороны Придонья возницу догоняли черные дождевые тучи, они были тяжелые и висели низко над землей, отчего сразу сделалось сумрачно, усиливающийся ветер со степи принес холодные преддождевые запахи, все говорило о том, что вскоре должен пойти сильный дождь.

На кладбище успели до дождя. С момента похорон Серафима Аркадьевича прошло уже около двух лет, и по обеим сторонам тропинки появилось немало новых свежих холмиков. Многие могилы были неухоженные, а иные и вовсе заросли травой. Могилу Серафима Аркадьевича искали долго. Гордей Никифорович шел первым, приминая сапогами траву. Следом за ним с трудом шла поддерживаемая Софьей Екатерина Михайловна, замыкала шествие Марфа Антоновна.

— Березка тама, у его могилы, должна быть,— проговорил Гордей, возвратившись от очередного могильного холмика.

— Так вон же они — березки. Ты уже сколь их обошел,— с укором произнесла Марфа.

— То не те березки,— ответил жене Гордей.— А ну-ка, можа, вон та,— устремил он взгляд в сторону одиноко стоявшей березы. Долго рассматривал ствол дерева, затем махнул рукой.— Вот она та самая березка, тута барин схоронен,— указал он рукой на заросший травой могильный холм после того, как все подошли к дереву.

— А ты не ошибся, Гордей Никифорович? — спросила у него Екатерина Михайловна.

— Никак нет, барыня. Вот глядите, видите, тута зарубка на дереве? — спросил он, указывая на едва заметную зарубку на стволе березы. За два года дерево выросло, но зарубка все же видна.— То я сделал топором, чтобы по зарубке могилку барина сыскать можно было бы.

Екатерина Михайловна долго рассматривала ствол дерева, а затем перевела взгляд на покосившийся могильный крест. Гордей перехватил взгляд барыни, быстро пробежал к кресту и начал поправлять его.

— Виноватый, барыня, не доглядел,— сказал он.

— Будет тебе, Гордей,— махнула рукой Екатерина Михайловна и опустилась перед заросшим травой бугорком на колени. Руками разгребла траву и начала водить ими по могильному холмику, словно глядя его.— Ну, здравствуй, Серафим. Не обижайся на меня, что долго не приходила к тебе, нынче нам не до того,— сказала она, и на ее глаза навернулись слезы. Софья стояла рядом, она тоже тихо плакала.

— Пушай барыни одни побудут, с барином пообчуются,— обращаясь к жене, тихо, почти шепотом, произнес Гордей, отводя ее в сторону.

В этот момент прямо над их головами вновь полыхнула молния, с треском разверзлись небеса, и хлынул проливной дождь. Он был такой силы, что одежды вмиг стали насквозь мокрыми, земля пропиталась водой до такой степени, что возле могилы Серафима Аркадьевича образовалась большая пузырящаяся лужа, в которой на коленях продолжала стоять Екатерина Михайловна. Полы ее шляпки под упругими струями дождя обмякли и опустились, вуаль прилипла к мокрому лицу. Софья, спрятавшись под кронами березы, прижалась к стволу дерева, одежда ее так же была мокрой. Гордей бросился к барыням, снял на ходу с себя промокший пиджак и накинул его на плечи старой барыни.

— Катерина Михална, вставайтя, ступайтя быстро под дерево, укройтеся тама,— заговорил он, пытаясь поднять барыню с земли, но та не подчинилась ему.

— Серафим, любимый, прости меня! Не сердись на меня, Серафим, я перед тобою ни в чем невиноватая! Я теперь живу далеко отсюда, а потому, Серафим, долго не могла прийти к тебе,— сквозь шум дождя услышал Гордей Никифорович причитания Екатерины Михайловны, ее лицо было мокрым от дождя и слез.

— Барыня, вставайте, а то не ровен час и захворать недолго, вставайте, Катерина Михална,— Гордей продолжал делать попытки поднять с колен Екатерину Михайловну, но один никак не мог сделать этого.— Марфа, помоги мне,— крикнул он жене. Вместе с Марфой Антоновной на помощь Гордею Никифоровичу бросилась и Софья. Все вместе они подняли Екатерину Михайловну с земли, подол ее платья был мокрым и, несмотря на то, что вокруг могилы Серафима Аркадьевича была разросшаяся густая трава, грязным. Екатерину Михайловну подвели под ветви березы, и все вместе прижались к стволу дерева, но это не спасало их от ливня.

Проливной дождь лил с четверть часа, затем стал постепенно ослабевать, небо просветлело, из-за туч выглянуло солнце, и дождь ушел в сторону Верхоупья, окрашив напоследок небосвод радужным разноцветьем. Промокшие до нитки Рязановы и Фроловы постояли еще небольшое время под кронами березки, затем перекрестились, поклонились могиле Серафима Аркадьевича и направились к подводу. Мокрая лошадь отфыркивалась и щипала омытую дождем траву.

— Дождь-то нынче быстро прошел, а я подумал, что теперча надолго затянет,— поеживаясь, произнес Гордей, усаживаясь в телегу. На могилку сына Фроловы в этот раз решили не ходить, так как все были вымокшие от дождя.

Обратная дорога на Птань показалась короче, приехали быстро и, войдя в избу, Гордей Никифорович затопил печь.

— Сейчас, барыни, потеплее будет. Сейчас печку затопим, и вы согреетесь, да и одежду свою просушите,— проговорил он, подкладывая в печь дрова.

У Екатерины Михайловны начался кашель. Первые его признаки проявились еще на обратной дороге от Никольского. Тогда, сидя в телеге, Екатерина Михайловна тихонько и редко покашливала, а потому на ее кашель никто не обратил никакого внимания, а сейчас, в избе Фроловых, ее кашель усилился, стал громким и с гудом. И чем чаще у нее стал проявляться кашель, тем тяжелее ей становилось дышать. Софья не на шутку испугалась за мать.

— Ничего, ничего, барышня, вот сейчас печка протопится, ваша матушка согреется, и кашель от нее отступит,— начал успокаивать Гордей Никифорович Софью.

Но кашель не отступал. Вдобавок ко всему у Екатерины Михайловны поднялась температура, и у нее начался озноб. Марфа Антоновна долго копалась в сундуке, а затем достала из него свою одежду.

— Не побрезгуй, Катерина Михайловна, она чистая, я ее только тритедни как постирала,— сказала она, протягивая Екатерине Михайловне свежую одежду, а мокрую одежду Екатерины Михайловны разложила на печи для просушки.

Софья не стала переодеваться. Она отказалась от предложенной ей одежды и, подойдя к еще не успевшей прогреться печи, прислонилась к ней спиной, заложив руки за спину. Трясущуюся словно при лихорадке Екатерину Михайловну прямо в одежде уложили в кровать и накрыли теплым лоскутным одеялом, но это не помогло, ее продолжало трясти. Гордей постоял некоторое время в раздумье, почесал голову, а затем достал свой зимний тулуп и укрыл им Екатерину Михайловну. Та успокоилась, задышала ровнее и то ли уснула, то ли впала в забытье.

— Ну вот, барышня, матушка ваша, похоже, уснула. Сейчас поспит и вся хворь от нее отступится,— сказал Гордей, обращаясь к Софье. Затем перевел взгляд на жену.— Чего стоишь, как укупанная? Иди, накрывай на стол, чай не видишь, что барышня проголодалась?

— Нет, нет, я не голодна, спасибо вам, Гордей Никифорович,— запротестовала Софья, но Гордей взмахом руки дал понять, что спорить с ним бессмысленно, и Марфа Антоновна начала хлопотать у стола.

Софья была встревожена состоянием матери, но до поры скрывала свои чувства, до той поры, пока Екатерина Михайловна не начала на кровати метаться и что-то

бормотать. Все прислушались к ее словам: «Серафим.... Не сердись... никого, Серафим... Володенька, там Сонечка... Володенька, не уходи, я все знаю... и Сонечка тоже... я не хочу... там, в Евангелие»,— бессвязно проговаривала она слова, при этом тулуп и одеяло были сброшены ею на пол. Вся мокрая от пота, Екатерина Михайловна металась на кровати, растрепанные седые волосы закрывали лицо, к взмокшему телу липла одежда. Она мотала головой из стороны в сторону, облизывала языком пересохшие губы и стонала.

— Бредит... видать, жар у ей сильнай, надоть за лекарем идтить,— вполголоса проговорила Марфа Антоновна.— Господи, боже ты наш, спаси нас грешных, сохрани и помилуй,— крестясь, запричитала она. Затем повернулась к мужу.— Гордей, иди за лекарем.

Тот покивал головой и вышел из избы. Перепуганная Софья взяла табурет, присела у изголовья матери и взяла ее за руку.

— Мамочка, миленькая моя, посмотри на меня... ну, пожалуйста, посмотри на меня,— просила Софья, прижав материнскую руку к своим губам и целуя ее, но Екатерина Михайловна не слышала дочь, она продолжала бессвязно выговаривать слова и, словно огнем, рукой обжигала Софье губы.

«Там... яма... там... твоя кровать... Володенька, там яма... Серафим там яма, Серафим... Сонечка, мне страшно»,— говорила Екатерина Михайловна.

— Мамочка, миленькая моя, не бойся ничего, я с тобой, я здесь, рядом,— тихо говорила Софья со слезами на глазах.

Марфа Антоновна тоже плакала.

— Дык, куды ж енто Гордей-то делся? Чай провалился он, что ли? Чего ж он лекаря-то никак не приведет?! — возмутилась она. Затем смочила холодной водой рушник и приложила его ко лбу Екатерины Михайловны.— Щас, щас, Софья, маме твоей полегше будет.

Гордей возвратился через полчаса. Прошел в избу и остановился молча.

— Ну, что стоишь-то как истукан? Лекарь-то где? — не выдержала Марфа.

— Нету лекаря,— ответил Гордей и, словно был виноват в том, опустил голову.

— Как нету?! А куды ж он делся? — удивилась Марфа.

— Взяли его на войну, чтобы раненых лечил,— ответил Гордей, и после его слов все замолчали.

— Ах ты, господи, боже наш, чего же это они последнего лекаря у нас забрали?! — всплеснула руками Марфа.— Нужлишь других лекарей у них не нашлось? Ах ты, господи боже наш... Чего же теперча делать-то? — запричитала она.

Екатерина Михайловна тем временем успокоилась. Намоченный водой и приложенный ей ко лбу рушник помог, и она уснула.

Марфа Антоновна порадовалась этому и пошла накрывать на стол.

— Иди, сядь, поешь,— шепотом, боясь разбудить Екатерину Михайловну, предложила она Софье, но та отказалась.

Повздыхав, хозяева ушли заниматься своими домашними делами. Они выходили из избы и вновь возвращались, периодически подходили к кровати, глядели на Екатерину Михайловну — не проснулась ли — и, убедившись, что спит, вновь уходили по своим делам. Софья все это время продолжала оставаться рядом с матерью. Ближе к вечеру, когда Фроловы уже завершили свои дела, Екатерина Михайловна проснулась. Приподняла голову, осмотрелась.

— Мамочка, ты проснулась. Как ты себя чувствуешь? Я очень за тебя испугалась, тебе лучше? — спросила Софья, припадая к матери и обнимая ее.

— Да, Сонечка, мне лучше,— ответила дочери Екатерина Михайловна, однако продолжая при этом тяжело и хрипло дышать.

— Барыня проснулась,— проговорил Гордей, обращаясь к хлопотавшей у печи жене.— Надо бы ее покормить.

— Да, да, я сейчас покормлю ее,— ответила мужу Марфа и, подойдя к кровати, взглянула на Екатерину Михайловну — Проснулась, Катерина Михайловна? Я сейчас... я тут молоко вскипятила...сейчас и хлебушка... горячего молочка-то... глядишь, хворь и отступитца,— начала бормотать Марфа, продолжая хлопотать у печи.

— Спасибо тебе, Марфа, но я не хочу.

— Трохи поесть надоть, да и Софье тоже надоть поесть,— начала настаивать Марфа, поднося Екатерине Михайловне налитое в крынку молоко и кусок хлеба.— А ты чего стоишь? Иди к столу, ешь,— сказала она, обращаясь к Софье.

Та немного поела, а Екатерина Михайловна вновь отказалась от пищи.

Ближе к вечеру, когда хозяева по своим домашним делам вышли из избы, Екатерина Михайловна подозвала к себе Софью.

— Сонечка, не видела ли ты мой узелочек? Он был спрятан в рукаве платья, а где он теперь, я не знаю.

— Он у меня, мама. Когда ты переодевалась в одежду Марфы Антоновны, то отдала его мне, чтобы я его спрятала. Вот он,— Софья достала из нарукавного манжета платья небольшой узелок и протянула его матери, но та отвела от себя руку дочери.

— Не нужно, оставь себе,— тихим и хриплым голосом проговорила она.— Я в него завернула немного денег на дорогу, тебе их как раз хватит доехать до Ельца. Еще я в узелке спрятала перстень. Его еще твоя прабабушка носила. Это наш фамильный женский перстень, он передается по наследству, от поколения к поколению по женской линии. Теперь, Сонечка, я передаю его тебе, отныне этот перстень — твой,— Екатерина Михайловна разволновалась, ее бледное лицо покрылось красными пятнами, дыхание стало хриплым и частым.— Постарайся сберечь его, но уж если будет очень трудно, то... продай,— последние слова дались Екатерине Михайловне особенно тяжело. Она замолчала, откинулась на подушку и прикрыла глаза.

— Мамочка, а ты... — поняв причину, из-за которой Екатерина Михайловна передает ей перстень, Софья заплакала.— Мамочка, не надо...

— Не перебивай меня... мне очень тяжело говорить. Слушай и запоминай. Если доведется встретиться с Володей, то скажи ему, что я его очень любила, а ты...

— Мамочка, зачем ты так говоришь?! Не надо так говорить! — Софья прижала руки к груди, слезы потекли по ее щекам.— Мамочка, миленькая моя... не надо, прошу тебя, не говори так.

— Не перебивай меня и слушай. А ты, если встретишь хорошего человека, выходи за него замуж,— продолжила говорить Екатерина Михайловна. Переведя дух, она замолчала, и стала пристально смотреть на дочь, словно старалась запомнить ее. И Софья тоже молчала и смотрела на мать. И это молчание продолжалось довольно долгое время.— Подойди ко мне,— наконец-то произнесла Екатерина Михайловна. Софья подошла к матери и склонилась к ней голову.— Прости меня, если когда-то и чем-то обидела тебя,— Екатерина Михайловна тяжело задышала.— Будь счастлива, Сонечка, храни тебя Бог! — выдавила она из себя и, осенив Софью крестным знаменем, поцеловала ее в лоб.— А теперь иди, ложись спать, и я тоже посплю, а то я очень устала,— Екатерина Михайловна прикрыла глаза и отвернулась от дочери. Но Софья не отходила от матери. Наоборот, она присела на край кровати.

— Мамочка, миленькая, обещай мне, что мы с тобой обратно в Елец вместе поедим? Обещаешь? Ведь ты не оставишь меня здесь одну? — со слезами на глазах начала спрашивать у матери Софья.

— Обещаю,— тихо произнесла, почти простонала Екатерина Михайловна.— Иди спать, и я тоже посплю... я очень устала,— еле слышно проговорила она.

Софья укрыла мать одеялом и ушла. Забралась на печь, но уснуть долго не могла. Еще не спала, когда в избу со двора вернулись хозяева, подошли тихонько на цыпочках к лежавшей на кровати Екатерине Михайловне, заглянули ей в лицо и, убедившись, что спит, заговорили друг с другом шепотом. Уснула Софья после того, как Марфа Антоновна, помолвившись на ночь, погасила маленький огонек лампадки, и комната наполнилась густой чернотой.

Этой ночью Екатерина Михайловна умерла. Ее остывшее тело обнаружила рано утром Марфа. Она начала было голосить по-бабьи, но вскочивший с лавки Гордей пресек ее.

— Тихо ты, баба! — полушепотом прикрикнул он на жену.— Тихо! Барышню напугаешь! Иди, разбуди ее, но только тихонько,— приказал он.

Спросонья Софья не сразу поняла, о чем говорит ей Марфа Антоновна, а когда окончательно проснулась и до нее дошел смысл услышанного, ее охватил ужас. Она буквально спрыгнула с печи и на ватных ногах подошла к мертвой матери. Екатерина Михайловна лежала на спине со сложенными на груди руками. Ее обескровленное лицо было спокойным и умиротворенным, и Софье показалось, что мать спит. И лишь слегка заострившийся кончик носа выдавал в Екатерине Михайловне усопшую. Софья подошла к матери ближе и, пересилив себя, дотронулась до ее руки. Тут же, словно обжигаясь о мертво-холодную руку матери, отдернула свою руку и в ту же секунду зарыдала и опустилась у кровати на колени.

— Не плачь, Софья, не плачь. Ничего мы теперь слезами не исправим. Видно, так Богу угодно,— тихим голосом произнесла Марфа Антоновна, поглаживая ладонью Софье растрепанные волосы.

Похоронили Екатерину Михайловну вопреки христианским обычаям в тот же день рядом с мужем на Никольском кладбище. Пока Марфа Антоновна с соседской старушкой обмывали покойницу, Гордей отвез двух деревенских мужиков на кладбище и показал им место, где нужно рыть могилу, а сам вернулся домой. Покряхтывая, влез на чердак и, вздыхая, стащил оттуда дубовый гроб.

— Для себя домовину берег, да, видать, рановато мне еще. Видать, придется еще поглазеть на свет божий, пока для себя новую домовину не срублю,— с сожалением в голосе проговорил он.

За неимением посмертного белья хоронили Екатерину Михайловну в ее поношенной одежде, лишь вместо шляпки с вуалью повязали ей на голову Марфин новый платок. Пока сама Марфа готовила для поминок кутью, Гордей уехал в Сергиевское за священником. Софья стояла у гроба матери и под мерцание свечи слушала, как неизвестная ей местная старушка читала Псалтирь. По приезде Гордея Никифоровича и священника, гроб загрузили в телегу и увезли в Никольское. Священник отпел Екатерину Михайловну и предал ее тело земле. Софья уже не плакала — выплакала все слезы, лишь при прощании с матерью упали несколько капелек слез на материнское лицо в то время, когда она нагнулась над гробом, чтобы поцеловать ее лоб, да когда закапывали ее мужики, смахнула Софья с ресниц наворачнувшиеся слезы.

Всю обратную дорогу на Птань Софья сидела в телеге, опустив голову, ни с кем не разговаривая. Она находилась в удручающем состоянии, совершенно не представляя себе свое возвращение в Елец без матери, не зная, как обратно добираться до Ельца, да и вообще, не понимая, как жить дальше?! По возвращении с кладбища Гордей Никифорович затопил печь, а Марфа Антоновна затеплила лампадку и пригласила всех к столу помянуть усопшую.

— Что теперча думаешь делать, Софья? — жуя кутью, спросил у нее Гордей Никифорович.

— В Елец поеду,— вздохнув, ответила та.

— А хоть и у нас оставайся, живи с нами. Своих детей у нас теперча нету, вот и будешь нам с Марфою дочкой,— предложил он.

— Спасибо вам, Гордей Никифорович, но я поеду в Елец к дяде.

— Ну, гляди, как знаешь.

— До Ельца дорога-то не близкая, как же ты добираться будешь? — спросила Марфа Антоновна.

— Я не знаю... как-нибудь доеду,— Софья пожалала плечами.

Ей не хотелось ни с кем разговаривать, хотелось побыть одной. Но у нее не было такой возможности. Встать из-за стола и выйти из дома она не могла, боялась, что Гордей Никифорович и Марфа Антоновна это воспримут как дерзость, неуважение и даже барское высокомерие к ним, к простолюдинам. И не поддерживать разговор с радушными хозяевами она тоже не могла, а потому продолжала сидеть за столом и отрешенно отвечать на вопросы. Гордей Никифорович внимательно взглянул на жену, а затем перевел взгляд на Софью.

— Ну, в Ехрем я тебя отвезу, а там сядешь на поезд,— сказал он.

— Спасибо вам,— тихо ответила Софья.

Спать в этот вечер она легла рано, но долго не могла уснуть. Уже когда засопели во сне хозяева, когда вволю налаялись и замолчали в крестьянских дворах деревенские собаки, и когда на темном небосводе взошла круглоликая луна, на Софью навалился крепкий и глубокий сон. В эту ночь она во сне увидела лежавшую в гробу мать, но мать почему-то лежала с открытыми глазами и из гроба смотрела на Софью. Увидела свой горящий дом, а рядом с домом смеющегося отца. Еще ей снилось ее детство. Живые и радостные родители, они с братом, беззаботно играющие вместе с крестьянскими детьми в своем барском имени, снился укатившийся в пруд мяч и еще приснился, целующий ее в кустах, Сашка Тихонов. Затем Сашка куда-то ушел, а к пруду на коне прискакал Скворцов Николай. Конь стал пить воду из пруда, а Николай слез с коня, подошел к Софье и протянул ей руку.

Разбудил Софью рано утром Гордей Никифорович.

— Вставай, Софья, собирайся, я отвезу тебя в Ехрем, а то опосля мне некогда будет,— сказал он.

Софья поднялась быстро. Умылась под рукомойником, заправила волосы, откалалась от предложенного ей завтрака и вышла на улицу, где ее уже поджидал сидевший в телеге Гордей Никифорович. Марфа Антоновна сунула Софье в руку узелок с едой и перекрестила в дорогу. Софья поклоном поблагодарила Марфу Антоновну и села в телегу. Гордей подстегнул лошадь вожжами, и они выехали со двора. Почти сорок верст до Ефремова проехали, как показалось Софье, очень быстро, почти не разговаривая друг с другом. В Ефремове были после полудня, у здания вокзала Гордей натянул вожжи и остановил лошадь, Софья слезла с телеги, оправила платье.

— Ну что, Софья, может, все-таки, возвратишься назад и останешься жить с нами? — спросил он.

— Нет, я уже решила — поеду в Елец.

— Ну, тогда... ежели чего было не так, не поминай нас лихом... мы с Марфою — люди простые.

— Спасибо вам за все, Гордей Никифорович,— Софья поклонилась Гордею и медленной походкой направилась к дверям здания вокзала.

«Как же ты, девка, теперча одна-то жить будешь? Ни дома у тебя, ни заработка, ни людей близких с тобою рядом никаких нету. Ну да ладно, можа все образумится. Дай бог тебе счастья»,— мысленно рассуждал Гордей, провожая Софью взглядом. Дождавшись, когда она вошла в здание вокзала, он стеганул лошадь и отправился в обратный путь.

В этот раз в здании вокзала было не так многолюдно, как во время их с Екатериной Михайловной приезда. Софья осмотрелась, увидела открытое окошко кассы и подошла к нему. Беззаботно достала из-за манжеты рукава платья узелочек с деньгами и, не осмотревшись по сторонам, развязала его.

— Мне один билет до Ельца,— сказала она, протягивая кассиру деньги. В другой руке она держала два узелка — один большой, с едой, а другой, маленький, в котором находился перстень.

Кассир, средних лет полноватый мужик с рыжими усами и бакенбардами, взглянул на Софью удивленно.

— Нынче до Ельца поездов нету, не ходють,— сказал он.

— Как это нету? — удивилась Софья.— Почему не ходят? — спросила она.

— Не ходють из-за вагонных нагромождений на станции Бабарыкино и из-за обострения обстановки на южном фронте,— ответил ей кассир.

— А когда же они будут ходить?

— Когда будут расчищены на путях нагромождения и улучшится обстановка на южном фронте.

— А... а когда она улучшится? — невпопад спросила Софья.

— А кто ее знает, когда оно все это улучшится?! — пожал плечами кассир.

Софья отошла от окошка кассы и остановилась в нерешительности. Она не знала, что ей нужно делать и как поступить в сложившейся ситуации. Она вновь беззаботно развернула узелок и убрала в него деньги. Она совершенно не обращала никакого внимания на окружавших ее людей, и не заметила, как стоявший поодаль от нее длинный худощавый мужик с густой черной бородой и лохматой головой внимательно наблюдал за ней. Наблюдая, он успел хорошо рассмотреть в узелочке и деньги, и перстень. Дождавшись, когда Софья спрятала узелочек за манжету, он отошел от нее и направился к стоявшему у окна низкорослому бородатому мужику с такой же, как и у него, лохматой головой.

— Вон та рыбка с икрой,— тихим голосом процедил сквозь зубы длинный, указывая взглядом на Софью.

— Понял, не своди с нее глаз,— также тихо ответил ему низкорослый и отвернулся к окну.

Побыв еще некоторое время на вокзале, Софья вышла на улицу и направилась в церковь Покрова, где они с Екатериной Михайловной провели ночь по приезду в Ефремов, в надежде получить помощь от отца Александра. Софья уже хотела войти в церковь, как из нее фактически навстречу ей вышел пожилого возраста мужчина. Он запер дверь на замок и, увидев стоявшую рядом Софью, взглянул на нее.

— Тебе чего надо? — спросил он.

— Мне нужно увидеть отца Александра,— ответила ему Софья.

— Нету его.

— А где же он?

Мужчина немного помолчал, осмотрел Софью с головы до ног, затем огляделся вокруг и, понизив голос, ответил:

— Должно быть в тюрьме. Забрали его.

— Как в тюрьме? За что забрали?

— Сын его к белым сбег. Ежели он тебе дюже нужен, то ступай в тюрьму, можа, там разрешат тебе с ним повидаться. Назовешь там его фамилию — Лампадьевский, чтобы не спутали, а то там нынче много священников сидят.

Отойдя от церкви, Софья остановилась. Теперь идти ей было совершенно некуда. Постояла немного в раздумье и бесцельно побрела медленной походкой по улице.

Было около двенадцати часов пополудни, день стоял теплый и безветренный. Мимо Софьи шли люди. Они спешили по своим делам, и никому до нее не было никакого дела. Никому, кроме двух бородатых с лохматыми головами мужиков, один из них был высоким, а другой низкорослым. Так же, как и Софья, они шли неспешной походкой от здания вокзала и внимательно наблюдали за ней. Наконец, выждав удобный момент, когда уже заканчивалась улица и рядом с Софьей никого не было, они ускорили шаг и вплотную подошли к ней. Низкорослый остался позади нее, а высокий забежал вперед, преградил ей дорогу и достал нож.

— Деньги давай и драгоценность! Быстро! Не то зарежу! — тихо и зловеще сквозь зубы процедил он и направил лезвие ножа к лицу Софьи.

Та испугалась и что было силы закричала: «Ма-а-ма-а-а-м-м-м...», — стоявший зади нее низкорослый зажал Софье рот грязной, пропахшей табаком ладонью. Софья замотала головой из стороны в сторону и начала отбиваться от напавших на нее мужчин. Изловчившись, она укусила за палец грабителя. Тот взвыл от боли и затряс рукой. «Ма-а-а-ма-а-а», — вновь закричала Софья.

— Ах ты, жучка, ты еще кусаться вздумала, — вскричал находившийся позади Софьи грабитель и с силой ударил ее рукой по лицу. Софья упала и ударилась коленом о камень, узелок с едой выпал из ее рук. Грабитель еще раз ударил Софью по лицу, а затем схватил ее за волосы и начал волочить по земле из стороны в сторону. Софья закричала от боли и ухватилась за руки грабителя. В этот момент бывший впереди высокий грабитель схватил Софью за рукав платья, где за манжетой были спрятаны деньги и перстень, и с силой рванул. Послышался треск рвущейся материи, и в тот же миг в его руке вместе с манжетой оказался заветный узелочек.

— Силантий, деньги и драгоценность у меня, бежим! — крикнул он, и в ту же секунду оба грабителя побежали от Софьи. Один из них, тот, которого звали Силантием, пробегая, на ходу наступил сапогом на узелок с едой и раздавил находившиеся в нем картофелины.

Софья, в перепачканном и рваном платье, с растрепанными волосами, окровавленным коленом и разодранным на колене чулком, сидела на земле и плакала в голос. «Ой, мамочка моя... ой, мамочка моя...», — причитала она сквозь слезы, слюнявя грязный палец и прикладывая его к ранке на колене, пытаясь таким образом унять боль. Посидев немного и чуть успокоившись, она поднялась с земли и, прихрамывая на больную ногу, пошла на вокзал. В здании было немногочисленно, в основном находились красноармейцы. Софья отошла в дальний от входа угол и присела на лавку. Не имея ни угла, ни денег, ни куска хлеба, к тому же лишившись перстня, который был для нее дорог как память о матери, Софья не знала, что делать, к кому обратиться за помощью, а потому прикрыла лицо ладонями и горько заплакала. Вытирая руками слезы, она не сразу обратила внимание на остановившегося рядом с ней красноармейца. Увидев перед собой обутые в ботинки с обмотками до колен ноги, она подняла голову. Перед ней стоял Николай Скворцов.

— Это вы, барышня? — удивленно разглядывая Софью, спросил он. Софья ничего не ответила ему, лишь вновь прикрыла ладонями лицо и пуще прежнего заплакала. Плакала она навзрыд, как плачут маленькие дети. — Почему вы в таком виде и плачете? Вас кто-то обидел? Что с вами случилось? — начал спрашивать Николай.

— Моя... мама... вчера... умерла, — начала отвечать ему Софья, всхлипывая при каждом слове.

— Терять своих родных — это, конечно, дюже горько. Я это и сам знаю по себе, — после недолгого замешательства изрек Николай. — Но почему вы вся грязная, с растрепанными волосами и в рваном платье?

— У меня... дядьки... деньги отняли... и мамин перстень.

— Какие дядьки?

— Лохматые и с бородами.

— Как их зовут и где они живут, вы их знаете? — спросил Николай. Софья отрицательно покачала головой. — Значит, вас все-таки обидели, — скорее констатировал Николай, нежели спрашивал у Софьи.

— Николай, мне... надо уехать... в Елец к дяде, но у меня... теперь нет денег, помогите... мне, пожалуйста, туда... как-нибудь уехать, — попросила Софья. Она уже перестала плакать, немного успокоилась и лишь изредка при разговоре всхлипывала.

— Я вам, барышня, в этом вопросе ничем помочь не смогу. Елец захвачен белыми. Они от станции Бабарыкино не пошли на Ефремов, а повернули на Елец и захватили его, а на самой станции на путях лежат искореженные паровозы с вагонами. Вот расчистим пути для проезда поездов, освободим Елец, тогда и поедете к своему дяде. А пока идите домой, — ответил Николай на просьбу Софьи, но та продолжала сидеть, опустив голову, и Николай понял, в чем дело. — Вам что — идти некуда? — спросил он.

— У меня в этом городе никого нет. Мы с мамой приезжали на Птань, где у нас было име... — Софья хотела было сказать «имение», но оборвала себя на полуслове, — где мы раньше жили. Мы туда ездили, и там умерла моя мама, а мне теперь идти некуда, — Софья вновь заплакала.

— Ну, будет вам, барышня, будет слезы-то лить, — Николай замолчал, задумался. — М-да, ну и загадку вы мне загадали, — произнес он и, сняв шапку-шлем, начал чесать в затылке.

— Вы идите, Николай, а я тут пока посижу, — вздохнула Софья.

— Здравьте-пожалуйста... идите. Никаких таких идите, буду думать, как вам помочь, — произнес Николай и замолчал. Спустя минуту, изрек: — Поднимайтесь, пойдете, — но тут же увидел окровавленное колено Софьи и остановился. — А это что у вас, рана? — спросил он. И не дожидаясь ответа, повернулся к стоявшей поодаль группе красноармейцев. — Иванов! А ну, санинструктора сюда, живо.

— Слушаюсь, товарищ командир, — ответил Иванов и скрылся среди красноармейцев.

Санинструктором оказалась круглолицая и полноватая средних лет женщина. Одета она была в красноармейскую гимнастерку и солдатские галифе, только вместо ботинок с обмотками обута была в сапоги. На голове повязан платок, а на плече у нее висела сумка с красным крестом. Она обработала Софье рану на колене и перевязала бинтом.

— Все в порядке, до свадьбы заживет, — сказала она грубым прокуренным голосом и громко засмеялась. Стоявшие рядом красноармейцы, бесстыдно рассматривавшие оголенную до бедра Софьину ногу, тоже засмеялись.

— А ну, отставить скалиться! — прикрикнул на них Николай, увидев, как Софья смутилась от солдатского смеха и начала натягивать на колено платье. — Разойтись! Всем привести в порядок себя и оружие! По возвращении каждого лично буду проверять! — приказал он.

Продолжая зубоскалить, красноармейцы нехотя направились в сторону дверей вокзала. — Вы тоже — свободны! — повернулся он к санинструктору.

Та ухмыльнулась криво одними губами, обвела Софью внимательным взглядом, как бы оценивая ее внешность, и направилась к остановившимся у двери красноармейцам. Что-то им тихо сказала, и те вновь загоготали. Николай взглянул на них недобро, но промолчал. Поправил ремень, кобуру с револьвером и перевел взгляд на Софью.

— Пойдемте, барышня, со мной, — сказал он.

Выйдя из здания вокзала, Николай зашагал быстрым шагом, Софья пошла за ним, прихрамывая на большую ногу.

— Вы, барышня, не отставайте, мне долго отсутствовать нельзя,— полуобернувшись к ней, на ходу произнес Николай, увидев, что Софья отстала от него.

— Меня Софьей зовут.

— А меня — Николаем.

— Я знаю.

Долго шли по улице и наконец-то зашли в маленький с низкими оконцами деревянный дом. В доме пахло вареной картошкой, хлебным квасом и затхлостью подгнившей древесины. Дом был разделен на две половинки перегородкой, образуя две небольшие отдельные комнатухи, занавешенные друг от друга шторой. В дальней комнатухе у окна стояла кровать, рядом деревянный со спинкой стул. В этой комнате жил Николай, а в другой жила хозяйка дома — семидесятилетняя Анна Тарасовна. Она находилась дома и, увидев вошедшего Николая с незнакомой ей девушкой, вышла им навстречу.

— Баба Нюр, это Софья,— с порога произнес Николай, указывая на Софью.— Она пока поживет на моей половинке,— тоном, не терпящим возражения, продолжил он.

Баба Нюра, маленького роста старушка со сморщенным лицом и руками, покивала головой.

— А мне-то что, пушай живеть. Сам-то спать с ею будешь, ай нет? — спросила она, пожевав губами.

— Я пока в сенцах посиплю,— подумав несколько секунд, ответил Николай и повернулся к Софье.

— Я у бабы Нюры на квартире стою, так что вы, Софья, особливо ни о чем не переживайте, живите тут сколь нужно. А как мы Елец у белых отобьем, так вы сразу и уедете к своему дяде,— сказал Николай и вновь обратился к Анне Тарасовне.— Баба Нюр, там у нас еды еще немного осталось, покорми Софью, а то она, небось, ничего не ела. Ну, а мне пора на станции быть,— сказал он и направился к двери.

— Нет, нет, что вы, не надо, я не голодна,— запротестовала Софья, но Николай перебил ее.

— Вы, Софья, со мною не спорьте. Мой постой в доме бабы Нюры оплачивает наша Красная армия, а продукты у нас с нею общие, из моего командирского жалования. Так что ешьте все, чем баба Нюра вас угощать будет,— сказал он и вышел из комнаты.

— Спасибо вам большое, Николай,— громко сказала Софья, надеясь, что Николай, хотя и в сенцах, но все же услышит ее.

После его ухода Софья с удовольствием поела приготовленную бабой Нюрой трапезу, а поев, рассказала ей все, что с ней произошло за последнее время, однако скрыв от нее, что она — дворянского происхождения.

— Да-а-а, вот приехали вы с матушкой своею за семь верст киселя хлебать... — покачала головой Анна Тарасовна.

— Скажите, баба Нюра, а вам Николай рассказывал о своем брате или нет?

— Как же не сказывал-то, конечно, сказывал,— вздохнула Анна Тарасовна.— Будь она неладна, ента война. Колька в ентот раз всю ночь на кровати проплакал. Виду не подавал, что плачет, но я-то слыхала. Товарищи яво приходили к яму и успокаивали, даже вина яму предлагали, но он отказался... сурьезнай он дюжа... бывало, так брови нахмурит, аж мне самой жутко становится. Хороший он, Колька... он у меня ужо почти с полгода как живет. Полюбила я яво, как родного сына.

— Баба Нюра, а у вас что — родных нет никого?

— Сын мой идей-то на войне, а иде не знаю, давно яво не видала. Жив ли, нет ли, ничего о ем мене не известно. Ишшо дочька у меня есть, но тоже давно не видались. Она замужем и живет далече, а дед мой помер еще до германской войны. А ты, что жа теперь, выходит дело, тоже одна осталася?

— Почему одна? У меня дядя в Ельце живет. Еще есть брат, но он тоже где-то на войне, — вздохнула Софья.

Затем обе замолчали надолго, вспоминая своих родных, разбросанных войной неизвестно куда. Николай в этот день со службы вернулся поздно, но ни Анна Тарасовна, ни Софья еще не спали. Увидев пришедшего Николая, Анна Тарасовна засобиралась.

— Куда ты, баба Нюр, собралась? — спросил он у нее.

— Пойду к суседке схожу, у ей и заночую нынче, а ты ложись на мою постелю, неча в сенцах спать, чай не скотина ты.

— Опять на картах гадать будете?

— А чего же нам? Можя, и погадаем малость.

— Гадание — это, баба Нюр, все поповские предрассудки, — нахмутив брови, проговорил Николай, но Анна Тарасовна только улыбнулась его словам. Она постояла какое-то время у двери, пожевала губами и вышла из дома. Николай и Софья остались вдвоем.

После ухода Анны Тарасовны Николай молчал, и молчание то затянулось.

— А церковь, между прочим, тоже не поощряет гадания, считает это грехом, — наконец-то первой заговорила Софья.

— А? Что? Какая церковь? Вы это о чем говорите? — не понял Николай.

— Вы сказали, что гадание — это поповские предрассудки...

— А вы что же, не согласны со мною? Считаете, что гадание это не предрассудки?

— Я согласна с вами, Николай, что гадание — это предрассудки, но не поповские.

— А чьи же тогда?

— Церковь, она тоже против всякого гадания и считает гадание — грехом, идущим от лукавого.

— Вы, Софья, прямо, как моя маманя рассуждаете, — улыбнулся Николай. — Она тоже всегда говорила про грехи и про лукавого. Я-то ее особенно не слушал, а вот Акимка — тот, бывало, любил ее послушать... — вспомнив о брате, Николай замолчал, его глаза повлажнели, и он отвернулся от Софьи. — Идите, Софья, ложитесь спать. Шторку занавесьте и не переживайте, я в вашу половину не пойду, — сказал он.

Софье не хотелось уходить от Николая, ей хотелось еще поговорить с ним, но послушаться она его не могла, а потому поднялась со стула и пошла в выделенную ей половину дома.

— Спокойно ночи, — пожелала она ему, но тот не ответил ей.

В эту ночь ей долго не спалось. Она слышала, как Николай еще какое-то время ходил по дому взад и вперед, как разбирал постель, затем задул лампу, и за шторкой стало темно, услышала, как он впотьмах лег в постель, вздыхал какое-то время, а потом наступила тишина. Спал ли Николай или не спал, Софья не знала, но догадывалась, что он тоже, как и она, не спал. Незаметно для себя она провалилась в сон, но сон ее был неглубоким и чутким. Она то и дело просыпалась, вновь пытаясь уснуть, ворочалась с боку на бок, переживала от навалившегося на нее тревожного чувства, наконец, проснулась окончательно. В комнате было блекло от лунного света и тихо. За шторкой в другой половине избы во сне сопел Николай. Софья лежала с открытыми глазами и глядела в окно. Вдруг она услышала, как за окном что-то хрустнуло, словно сломали ветку дерева, и в тот же миг Софья отчетливо увидела в оконном проеме заслонившие лунный свет две мужские фигуры, причем, одна фигура была высокая, а другая — низкорослая. Фигуры подняли к лохматым головам руки, поставили их ко лбу козырьком и начали пристально всматриваться в глубину избы. Софья сразу узнала своих грабителей, и ее охватил ужас. Не помня себя от страха, она закричала что было силы. Фигуры моментально исчезли, а на ее крик проснулся

Николай. Он вскочил с кровати и опротясь бросился к кричавшей Софье, с силой сдернул штору. Софья сидела на кровати, натянув одеяло до подбородка, и продолжала кричать.

— Там... там за окном... они... те самые разбойники, что отняли у меня деньги и перстень... они там... за окном... — наконец-то выговорила она, указывая рукой в сторону окна.

Николай бросился на свою половину избы, где у него на кровати спинке висел ремень, выхватил из висевшей на ремне кобуры револьвер и в одном нижнем белье выбежал из дома. На улице заливалась лаем хозяйская собака, ее лай подхватили собаки соседних дворов, и в тот же миг вся улица наполнилась собачьим разноголосьем. У окна никого не было, и Николай вернулся в избу. Лампу зажигать не стал, в темноте убрал револьвер, подошел к Софье, та продолжала плакать.

— Николай, они там, за окном, я их видела, наверное, они хотят меня убить, я их очень боюсь,— захлебываясь слезами, тараторила Софья.— Николай, защити меня от них,— попросила она.

— Нет там никого, тебе, наверно, показалось,— произнес Николай, бросая взгляд на бледно-лунный свет в проеме окна.— Спи и не бойся никого, я рядом,— сказал он и попытался задернуть штору, но Софья не дала ему это сделать. Она вскочила с кровати и бросилась к Николаю, дрожа всем телом, прижалась к нему, со страхом смотря на окно.

— Коленька, миленький, они там, не оставляй меня одну, прошу тебя, спаси меня от них, они меня хотят убить! — кричала она, от страха трепеща всем телом и называя Николая уменьшительно-ласкательным именем.

Тот растерялся. Не зная, как нужно поступить в сложившейся ситуации, он машинально поднял руки на уровне груди и прижал Софью к себе.

— Хорошо, хорошо, я никуда не уйду, не плачь только,— проговорил он, тоже перейдя на «ты».

Незаметно для себя они присели на кровать. Продолжая плакать и трястись, Софья еще сильнее прижалась к Николаю, и ему в этот момент вдруг стало жалко Софью. Жалко до такой степени, что он, не ожидая от себя самого подобных действий, прижал ее к себе и, успокаивая, начал гладить ей волосы, лицо, шею, коснулся плеча ее и, словно боясь раздавить его, нежно провел по нему ладонью. Ощувив в своих объятиях горячее и трепещущее тело Софьи, уловив тонкий запах ее тела, ее волос, у Николая откуда-то из глубины души возникло чувство то ли жалости, то ли сострадания, то ли еще чего-то таинственного, неизведанного им доселе и влекущего к ней. Это чувство Николаю вскружило голову, забила молоточками в висках, сдавило горло и залихорадило тело. Оно заставляло прикоснуться к сокрытому, запретному и таинственному.

— Не плачь, Софья, и не бойся никого, я не дам тебя в обиду, я буду всегда рядом с тобою,— прерывисто и тяжело дыша, тихим голосом сказал он и еще крепче прижал Софью к себе.

Та успокоилась, перестала всхлипывать и, находясь в объятиях Николая, тоже почувствовала изменение своего душевного состояния. Ей уже не хотелось утешать Николая, как когда-то ей хотелось это сделать при первой их встрече на вокзале. Сейчас, напуганная до полусмерти, она увидела другого Николая, не плачущего и вытирающего слезы, а большого, сильного и смелого, готового в любую минуту прийти к ней на помощь и защитить ее не только от разбойников, но и от всех других жизненных невзгод. А потому, ощущая у своего уха его тяжелое и хриплое дыхание, слыша его тихий, словно колдовством обволакивающий ее сознание голос, ощущая на своем теле его руки, ей захотелось еще сильнее прижаться к нему, чтобы просить

у него защиты и помощи. Просить его вырвать из ее души все пережитые ею за эти дни горести и печали, и поселить в ее сердце успокоение и веру, надежду и любовь. Будучи в объятиях Николая, Софья продолжала дрожать всем телом, но дрожала она уже не от страха, а от других, нахлынувших на нее и заставивших трепетать ее сердце, чувств.

— Ты не бросишь меня? — шепотом спросила она.

— Нет, я буду всегда рядом с тобою,— также шепотом ответил он ей. В темноте при разговоре они почувствовали тяжелое и горячее дыхание друг друга и соприкоснулись губами.

Ночь была спокойной, безветренной. В Ефремовских садах уже созрели яблоки. Налившиеся соком, они отрывались от яблонь и, прошелестев по листьям веток, падали к подножиям деревьев, а падая, лопались, обдавая округу своими ароматными запахами. Собаки уже уgomонились. Они улеглись возле своих будок на прохладной земле и, высунув из пастей языки и часто дыша, спали одним глазом, другим не переставая охранять хозяйские территории. В росистых травах пели свои ночные серенады сверчки, было тихо, город спал. И в этой тишине Николаю и Софье стало казаться, что во всей Вселенной они остались вдвоем, что во всем белом свете никого нет и ничего не существует, и их священнодействию никто и ничто не сможет помешать; да и не было в этот момент той силы, способной помешать им, и лишь одна бессовестно заглядывающая в небольшое окошко бледноликая луна стала свидетельницей их сокровенной тайны — тайны соединения двух молодых и горячих сердец.

Ночь прошла быстро. Не успели и глаз сомкнуть, как на востоке уже занялась заря. Николай едва задремал под утро, но тут же встрепенулся, встал с кровати, взглянул на Софью. Она лежала, подперев голову рукой, и смотрела на него.

— Выходит дело, мы с тобою теперь вроде как муж и жена? — спросил он, и Софья слегка смутилась от сказанного им. И в тот же миг приподнялась на кровати и, обняв Николая, притянула его к себе.— Пусти, Софья... ну не дури, слышишь? Пусти, мне некогда, мы нынче выходим в поход на Елец,— заговорил Николай, освобождаясь от объятий Софьи.

— Коля, а нельзя тебе остаться и не ходить в этот поход? — спросила она, освобождая Николая из своих объятий и поднимаясь с кровати.

— Нельзя. Я же командир, а потом, ты же знаешь... я должен отомстить за Акимку,— ответил ей Николай, тоже поднимаясь с кровати.

— Будь осторожным, прошу тебя.

— Не волнуйся за меня. Вышибем белых гадов, и я вернусь.

— Я буду ждать тебя.

— Не провожай меня,— приказал Николай, выйдя за порог. Софья остановилась. Николай развернулся, обнял ее за плечи и притянул к себе. Они поцеловались.

Через два часа из Ефремова вышел сводный в несколько сотен штыков, вооруженный ружьями и пулеметами, конно-пеший отряд красноармейцев. Поднимая сапогами, ботинками и конскими копытами еще дремавшую дорожную пыль, он направился вдоль железнодорожного полотна в сторону станции Бабарыкино...

